

НЕ ГОРАЗДЪ, ДА НАХОДЧИВЪ.

Подружившись гдѣ-то на погулкѣ, Русскій матросъ заспорилъ съ Англійскимъ, кто изъ нихъ выкинетъ лучшую штуку, чтобы показать мастерство свое, проворство, умѣнье и безстрашіе въ матроскомъ дѣлѣ. Закладъ былъ не дорогой — о квартѣ вина; да дорога слава. Вызвали свидѣтелей: Англичанинъ влѣзъ на гротовой флагштокъ, сталь на клотикѣ на голову, развелъ ногами, опустивъ ихъ обнялъ ими опять флагштокъ и спустился. И наши и Англійскіе матросы закричали ему ура; молодецъ, что и говорить.

Нашъ митроха полѣзъ — а что дѣлать еще и самъ не знаетъ, выше клотика не влѣзешь, на головѣ онъ тамъ не стаивалъ, а думаетъ: нечего дѣлать, до-слова крѣпись, а за-слово держись; стану и я. Надобно однакоже полагать, что одна кварта распита была новыми земляками до заклада: покрайней мѣрѣ товарищи нашего закладчика замѣтили, что онъ какъ-то лапы раставлялъ по выбленкамъ по

медвѣжьи. Англичане закричали въ голосъ, что это—де не по матроски; но тотъ остановясь, чтобы перевести духъ, отвѣчалъ смѣло: не спрашивай начала, жди конца — и пошелъ дальше.

Смѣло долѣзъ онъ туда, откуда лѣзть дальше некуда, поднялся на клотикъ, ухватился за него руками, вскинулъ вверхъ ноги — да и перевернулся.... У всѣхъ замерло сердце; но дурака да пьянаго Богъ бережетъ; штукарь нашъ сѣлъ задомъ на бомъ—брамъ—ванты, сѣхалъ по нимъ стрѣлой до бомъ—салинга, ухватился за нихъ руками, да какъ дурь—то изъ него вдругъ вышибло, то онъ, перекрестясь, живо спустился до салинга и по марса—фалу внизъ.

Никто не успѣлъ опомниться отъ испугу, какъ онъ уже стоялъ передъ Англичаниномъ и сказалъ: «Что братъ, небось ты удивилъ? Нѣтъ, твоя штука не штука, а ты сдѣлай—ка по моему! Ставь квартиру—то!»